

научных. Стало быть, зѣсь признаю, что нельзя *какому уму* разномъ сообщать знаніе *цѣлоу* и обширной науки. Поэтому необходимо признавать, что и *уюю голю* и свободѣ, и только что возникающей самодѣтельности нельзя предложить къ исполненію обширной и высокой добродѣтели. Юный человекъ во всѣхъ своихъ силахъ и способностяхъ одинаковъ, т. е. одинаково слабъ; поэтому требуется одинаковое приспособленіе къ его возрасту во всемъ потребномъ для его жизни.

Существуетъ, однако, разность между способами сообщенія познаній и ознакомленій съ опытами дѣятельности. Она опредѣляется двумя различными понятиями: *Обученіе* и *пріученіе*. *Обучать* значить сообщать доступныя человѣку познанія о мірѣ видимомъ, въ которомъ ояъ живетъ, и о мірѣ духовномъ, а *пріучать* значить постепенно вводить человека въ общеніе съ міромъ духовнымъ и доводить его до умнѣнія и искусства правильно относиться къ людямъ и обращаться со всѣми предметами, которыми ояъ окруженъ, и всѣмъ пользоваться къ своему благу и счастью.

Этого взгляда на развитіе человека оправдывается наблюденіемъ нахъ всѣми родами его дѣятельности. Такъ, ремесленникъ и художникъ, объясняя ученію, въ чемъ состоитъ предлагаемое ему дѣло, сажаятъ его за работу и держатъ на ней долго, —отъ первыхъ пріемовъ до совершеннаго успѣха. Такъ учителя науки составленія сочиненій, объясняя правила словеснаго искусства, держатъ своихъ воспитанниковъ многие годы на упражненіяхъ, доколь они не привыкнутъ къ самостоятельному мышленію и правильному изложенію мыслей. И такими образомъ продолжаютъ работу дѣятельнаго развитія человека въ годъ въ годъ, нѣво дня въ день съ малыми отдыхами и съ наблюденіемъ, чтобы развиваемыя силы безъ частаго упражненія, какъ струны инструмента безъ частаго настраиванія, не ослабѣли и не утратили каждой своего тона и общей стройности. Отсюда и происходитъ постепенно пріобрѣтаемый отъ частаго повторенія навыкъ къ извѣстному роду дѣятельности, переходящій по временамъ въ любимый родъ занятій, продолжающійся до конца жизни безъ обремененія и ватруденія. Такъ крестьянинъ, пріученный съ малыхъ лѣтъ къ тѣсному труду и лишениямъ, легко переноситъ цѣлодневную усильную работу, поднимаетъ большія тяжести, не боится ни зноя, ни стужи, питается суровою пищею, чего не переноситъ человекъ непривычный. Такъ житейскъ горь легко ходитъ по крутизнамъ и едва замѣтныя тропинкамъ надъ пропастью, не боится ни паденія, ни обморока, отъ которыхъ прежде погибали непривычные путешественники. Такъ и въ душевной дѣятельности: образованный человекъ, обратившій умственные занятія въ навыкъ, день и ночь размысливаетъ, читаетъ, пишетъ и безъ такихъ занятій скукается, между тѣмъ какъ другой и чья са не проведетъ за научною работою безъ утомленія. Такъ истинный художникъ во всю жизнь носитъ въ душѣ своей образъ прекраснаго, стремясь воплотить ихъ въ словѣ, краскахъ и звукахъ. Въгъ что дѣлаетъ навыкъ въ развитіи тѣлесныхъ и душевныхъ силъ нахъ.

Намъ скажутъ: „все это всѣмъ извѣстно“. Ответимъ: тѣмъ лучше, тѣмъ легче для всѣхъ убѣдиться въ необходимости для христианина пріучиться посредствомъ частыхъ упражненій и навыка къ нравственнымъ трудамъ и поднимать для дѣятельнаго духовнаго усовершенствованія или пріобрѣтенія добродѣтели. Это и внушаетъ намъ настоящее слово Божіе. Св. апостолъ Павелъ о христіанской свободѣ и силѣ въ совершеніи подвигать говоритъ: „все могу въ укрѣпленіи мена Іисусъ Христъ“, но объясняетъ и путь, которымъ ояъ достигъ этой свободы: „Я научился быть довольнымъ тѣмъ, что у меня есть. Умѣю жить и въ скудости, и въ изобиліи, научился всему и во всемъ: быть въ сѣстости и терпѣть голодъ, быть въ изобиліи и недостатѣ“ (Филип. 4, 11, 12). А духовныя силы и свойства христіанина ояъ называетъ чувствами, пріученнымъ навыкомъ къ различію добра и зла“ (Евр. V, 14), разумію, конечно, подъ этимъ именемъ дѣятельность совѣсти, трезвенность ума и непорочность сердца. Но что по истинѣ удивительно, апостолъ о Самомъ Іисусѣ Христѣ говоритъ: „хотя Ояъ и Сынъ, однако сражданнымъ навыкъ послушанію и, сражавшись, сдѣлался для всѣхъ послушнымъ. Ему виновникомъ спасенія вѣчнаго“. То есть, и Его чистѣйшая и совершеннѣйшая челоѣческая природа подъ обнѣженіемъ соединеннаго съ нею Божества подчинилась законамъ естественнаго развитія по духу и тѣлу, и достигла совершенства посредствомъ „навыка послушанію“. Ояъ былъ въ послушаніи Родителямъ въ дѣтствѣ, въ послушаніи заповѣдямъ закона Моисеева въ зрѣломъ возрастѣ и во всю жизнь въ послушаніи волѣ Отца Своего Небеснаго, и въ борьбѣ съ лашеніями, гонѣніями и всякаго рода страданіями до крестной смерти достигъ совершенства и сталъ для всѣхъ послушнымъ Ему примѣромъ и виновникомъ вѣчнаго спасенія. Почему апостолъ не перечисляетъ многихъ совершенствъ Богочеловѣка, пріобрѣтенныхъ навыкомъ, а указываетъ только на послушаніе? Конечно, потому, что въ послушаніи волѣ или заповѣдямъ Божиимъ всегда и во всемъ лежитъ путь къ совершенству

во всѣхъ родахъ челоѣческой дѣятельности. Укажемъ для большей ясности нѣкоторыя частныя добродѣтели, пріобрѣтенныя навыкомъ. Псаломщикъ говоритъ: *возвращенію о рекитишъ мнѣ: въ домъ Господень пойдемъ* (Пс. 121, 1). Можетъ ли человекъ съ радостію и веселіемъ принимать призванъ на молитву въ храмъ Божій, если ояъ не привыкъ часто посѣщать его? Что это невозможно, намъ доказываютъ своимъ примѣромъ христіане, для которыхъ такъ тяжело разстаться со своимъ и съ свѣтскими удовольствіями для посѣщенія храма Божія, которымъ такъ скучно и тяжело стоять въ немъ. Ояъ же говоритъ: *кто сладка горнами моему слогу тою: нагъ мѣда устомъ моимъ* (Пс. 118, 103). Можетъ ли человекъ находить такую сладость въ словѣ Божіемъ, если не привыкъ часто читать его, оваръ свой умъ и совѣсть его священными истинами и питать свое сердце впечатлѣніями присущей ему благодати Св. Духа? Что это невозможно, доказываютъ намъ тѣ образованные христіане, которые читаютъ все, кромѣ Слова Божія, не находя въ немъ ни пищи для ума, ни утѣшенія для сердца. Ояъ устаетъ отъ чтенія нѣсколькихъ главъ священнаго Писанія, отъ нѣсколькихъ страницъ всякой книги духовнаго содержанія. Псаломщикъ такъ говоритъ о потребности въ молитвѣ къ Богу во всѣхъ обстоятельствахъ нашей жизни: *пріюю предъ Нимъ возглаголю* (Пс. 141, 3). Можетъ ли сказать это о себѣ тотъ, кто въ нуждѣ и скорби жалется всѣмъ, обращается ко всѣмъ, кромѣ Бога, кто совѣсь не молится или молится разсѣянно и нерадо, для того только, чтобы успокоиться на мысли, что и ояъ молится?

Въ этомъ великомъ дѣлѣ нашего нравственнаго воспитанія, или постепеннаго возведенія навыкомъ въ христіанскія добродѣтели, и руководитъ насъ Св. Церковь, и при томъ такъ, какъ не могла ни начертать, ни установить челоѣческая наука всѣхъ временъ. Ея частныя богослуженія и многочисленные праздники суть изю дня въ день повторяемыя опыты и упражненія въ молитвѣ, готовя въ дѣла всаго желающаго молиться. Ея посты и говѣнія—это путь къ той свободѣ и безпрестанности со стороны нашей плоти въ совершеніи христіанскихъ подвиговъ любви, безкорыстія, самоотверженія, о которой сказалъ апостолъ: „все могу въ укрѣпленіи мена Іисусъ Христъ“. А уставы и заповѣди Св. Церкви,—это опыты смиреннаго послушанія волѣ Божій, которые указываю намъ остоять въ Самомъ Сынѣ Божіемъ. Всѣ ея наставленія, чтенія изъ Слова Божія, пѣнопѣнія по славу Божію, и въ честь угодиющихъ Божіимъ имѣють одну цѣль—пріучить навыкомъ наши духовныя чувства, въ выраженію апостола, „къ различію добра и зла“, и къ свободному избранію и предпочтенію всего добраго и прекраснаго злему и порочному. Въ Церкви есть и приспособленія къ возрастамъ ея стѣнъ,—такими усвоеніемъ изъ Слова Божія пріемы въ наблюденія за дѣтьми, правила о домашней молитвѣ и пріобщеніи малолѣтнихъ. Есть и повременныя испытанія въ таинствѣ исповѣданія и покаянія, только нѣтъ выдаваемыхъ на руку свидѣтельствъ объ оконченіи ученія. Въ церкви ояъ младенчества до старости и до перехода въ вѣчную жизнь у каждаго добраго христіанина возрастаетъ успѣхи, вѣдоме Богу, ощущаемые каждою подвижающею душею, и свидѣтельствуемые добродѣтельною жизнью и благосостояніемъ христіанскихъ народовъ.

По, говоря о благотворной силѣ навыкомъ добрыхъ, нельзя умолчать о страшной силѣ навыкомъ худыхъ или порочныхъ. Въ нахъ заключается главнѣйшее препятствіе къ нашему усовершенствованію и противоѣствіе всякому добруму начинанію. Меньше опасны для спасенія нашего самыя тяжкія преступленія, даже убійство, нежели усильившіеся навыкъ, доведенный до страсти. Убійца можетъ раскаяться, получить прощеніе и не возвращаться къ прежнимъ преступленіямъ; но обладаемый страстію, какъ узникъ, лишены свободъ дѣйствій и нравственныхъ силъ.

Никто изъ насъ не родится съ пороками и страстями, но тѣмъ не менѣе всѣ мы рождаемся вѣдѣтѣмъ первороднаго грѣха со склонностію къ порокамъ. Сбыва пороковъ скрывается главнымъ образомъ въ вождѣтѣхъ плоти нашей, а возникновеніе самыхъ пороковъ начинается отъ усильенія и повторенія вождѣтѣхъ. Намъ свойственна потребность и желаніе пищи, питья, отдыха, увеселенія, пріобрѣтенія достатка, но всѣ эти желанія, переходятъ въ порочныя нахъ. Такъ нахъ къ частому и умѣренному употребленію пищи обременяетъ и утомляетъ тѣло и дѣлаетъ насъ лѣнными къ труду, и особенно къ ученію и молитвѣ. Неблаговременный и продолжительный отдыхъ пріучаетъ къ нѣгѣ и праздности; а большое разнообразіе и непрерывное повтореніе увеселеній производятъ ту разсѣянность и суету, которая до того овладѣваетъ нами, что не оставляетъ ни времени, ни расположенія къ разумнымъ, и тѣмъ болѣе къ благотворнымъ упражненіямъ. Это сѣтъ, оушная наша духъ, и хотя повидимому тонкая, но по множеству и зрѣмому сплетенію своихъ нитей трудно расторгимая. И на этой именно почвѣ возрастаютъ гибельныя страсти: пьянство, сладострастіе, роскошь, корыстолюбіе и всеокрастіе, жестокосердіе, лозь и всевозможныя обманы. Мы можемъ своими глазами

видѣть, какъ неосторожное и частое употребленіе вина въ невзвѣнныхъ, поведенію, собраніяхъ и прутьнахъ переходитъ въ склонность напиваться до опьяненія, и затѣмъ въ мучительную жажду пить и пить, доводящую до величайшихъ преступленій въ кругу семейномъ и общественномъ. Мы видимъ, какъ отъ частаго посѣщенія небагообразныхъ гульбищъ и нецѣлоудренныхъ сборищъ возникаютъ и усиливается плотскія страсти, переходящія въ эти постыдныя похоти плотскихъ наслажденій, которые порабають умъ и совѣсть развращенныхъ людей и не даютъ ни разсудка, ни покоя духу ихъ ни днемъ, ни ночью. Въ же время мы видимъ другаго рода людей, старающихся подбѣрять бросаемое сластолюбцами богатство, съ жадностію скоплатъ, беречь его для наслажденій, которая ояъ оббѣщаетъ себѣ въ будущемъ, когда разбогатеетъ; но въ этомъ колѣніи вмѣсто наслажденій ояъ наживають себѣ страсти корыстолюбія и скупости, убывающую въ нихъ всѣ чувства жалости и любви къ ближнимъ. Но доводится объ этомъ. Укажемъ только еще одну черту въ этой печальной исторіи пріобрѣтенія порочныхъ нахъ, именно,—какъ люди обманывають сами себя и увлекаются въ плотскія страсти, начиная, повидимому, съ невинныхъ и чистыхъ наслажденій благородными искусствами.

Извѣстно, что въ душѣ нашей есть болѣе глубокое сплетеніе и сѣтъ помысловъ, впечатлѣній и оуощеній духовныхъ и плотскихъ, разлччаемыхъ только чистотой и дѣлительное совѣсть, но не наблюдаемыхъ людьми равнодушными къ чистотѣ сердца и безопасности. Въ этихъ то людяхъ незамѣтно дѣлается перевѣсъ чувственныхъ впечатлѣній и влеченій надъ духовными. Это всего яснѣе видно въ исторіи театровъ, столько восхваляемыхъ, въ смыслѣ укрѣпленія для воспитанія въ обществѣ добрыхъ нравовъ и благородныхъ вкусовъ. Въ нихъ-то, среди блѣстательныхъ проявленій ума и другихъ талантовъ, вкралась изображенія плотской любви, облекаемой въ поэтическія формы и сопровождаемой другими родственными ей страстями: соперничествомъ, ревностью, измѣною, мщеніемъ и пр.; что и дѣлаетъ театральныя представленія привлекательными и безъ чего ояъ были бы похожи на ученыя собранія, не многимъ охотно посѣщаемыя. Эти художественныя театральныя изображенія любви отъ притупленія чистаго чувства въ извѣстномъ въ составителяхъ пьесъ, въ исполнителяхъ ихъ и зрителяхъ съ теченіемъ времени становились все грубѣе, болѣе опотелеными,—и вотъ въ послѣднее время изъ благородныхъ представлений выродились эти безстыдныя зрѣлища обнаженнаго разврата, варажающія грубѣйшими пороками молодую поколѣніи современныхъ христіанскихъ народовъ. А такъ какъ съ погруженіемъ въ чувственность люди теряють страхъ Божій, то въ послѣднее время показались на сценѣ изображенія событий изъ священной исторіи и для разнообразія впечатлѣній (за - граніцею)—даже страданія Спасителя, а среди театальныхъ декораций появляются священныя зображенія, и между мірскими пѣсьями слышатся звуки церковныхъ пѣсноуѣнъ. Такъ скатываются незамѣтно духъ челоѣка съ высотъ художественныхъ наслажденій въ темную пропасть постыдныхъ страстей, гдѣ перестаетъ быть страшнымъ и богоулыство.

Трудная борьба съ усвоенными порочными навыками. Къ намъ дошло изъ акаческой древности философское изреченіе: „привычка вторая природа“. Зѣсь, конечно, имѣются въ виду не добрыя привычки, совершенствующія нашу первую и единственную природу, а перерожденіе природы изъ богосоданной въ искаженную порочными навыками, или безотрадное порабощеніе ея грѣху. Но гдѣ, не находя выхода ачичику, такъ указывалъ его Господь Іисусъ Христосъ. *Всякъ второй грѣхъ, говорятъ Ояъ, рабъ естъ грѣху: но аще Сынъ освобождаетъ, воистину свободныи будете* (Іоанн. 8, 34, 36). Этого пути къ свободѣ указываетъ намъ Его ученіе, а благодатная сила для успѣшнаго прохожденія этого пути сообщаетъ намъ Его Св. Церковь.

Во-первыхъ, каждый изъ насъ по ученію христіанскому, съ раннихъ лѣтъ долженъ наблюдать за собою: гдѣ оказывается перевѣсъ въ его помыслахъ и желаніяхъ,—въ духѣ ли и его стремленіяхъ къ истинѣ и добродѣтели, или въ вождѣтѣхъ плоти? Которая чашка вѣсьеъ, поставленная, такъ сказать, въ нашемъ сознаніи, болѣе наполняется и перерывиваетъ,—та ли, гдѣ собирается добро, или та, гдѣ скопляется зло? Нужно сплнить наполнять перуру и опораживать вторую. Нужно чаще углубляться въ себя и, наблюдая за собою, бороться съ искушеніями, не преставно въ глубинѣ сердца проси помощи у Господа.

Потомъ, когда начинаемъ чувствовать, что худыя привычки овладѣвають нами, и какъ тутъ препятствуютъ нашему движенію въ исполненіи нашихъ обязанностей, лужно разрыватъ ихъ съ усиліемъ и немедленно. Оказывается ли въ насъ нахъ къ лѣности, разсѣянности, гулянью, или къ легкому пустому чтенію, питающему лѣнь ума, разслабляющему и заваривающему наше воображеніе,—нужно, трудясь усильно въ занятияхъ обязательныхъ, и въ свободное время занимаясь каимъ бы то ни было полезнымъ дѣломъ, хотя бы оно и не входило въ кругъ нашихъ прямыхъ обязанностей.

Дальше, если по несчастію окажутся въ насъ нахъ, уже трудно предотвратить и улаживающъ насъ къ повторенію порочныхъ удовольствій, не вваря на наше желаніе оставить отъ него, на частныя общія, нахъ даемъ въ этомъ передъ своимъ совѣсть и передъ Богомъ,—это знаемъ, что мы уже „рабы грѣха“. Въ срѣчномъ сокрушеніи и съ глубокимъ смиреніемъ мы должны молить Господа объ освобожденіи изъ этого тяжкаго плѣна: *изведи изъ темницы душу мою* (Пс. 141, 7). Только Ояъ можетъ дать намъ и ясность ума, и рѣшимость на борьбу со страстями, и благодатную силу для побѣды.

Наконецъ, для укрѣпленія нашей воли, ослабшающей подъ давленіемъ порочныхъ нахъ, св. Іоаннъ Златоустъ совѣтуетъ намъ превращать плотскія удовольствія сначала на небольшіе срѣзы, потомъ эти срѣзы увеличивать, и въ промежуткахъ заниматься дѣлами, противоположными нашимъ привычкамъ, чтобы худыя нахы вытѣснили изъ души нашей и замѣнились добрыми, а затѣмъ и утвердиться въ добродѣтели. „Если ты воздерживаешься, говоритъ онъ, отъ довременнаго привычки десять дней, то потомъ легко переносишь двадцать дней, а затѣмъ вдвое столько. Потомъ, простоявъ впередъ, ты не будешь и чувствовать трудности, бывшей вначалѣ, но весьма трудное дѣло найдешь весьма легкимъ и пріобрѣтешь себѣ другую привычку, и признаешь такую перемену удобною не только по новой привычкѣ, но и по благимъ надеждамъ.“ *) Но наиболѣе доступнымъ для всѣхъ средствомъ къ побѣжденію страстей ояъ считать усердное посѣщеніе храма Божія. „Если воспамятиса въ тебѣ похоть, то легко можешь погасить ее, духовными. Это всего яснѣе видно въ исторіи театровъ, столько восхваляемыхъ, въ смыслѣ укрѣпленія для воспитанія въ обществѣ добрыхъ нравовъ и благородныхъ вкусовъ. Въ нихъ-то, среди блѣстательныхъ проявленій ума и другихъ талантовъ, вкралась изображенія плотской любви, облекаемой въ поэтическія формы и сопровождаемой другими родственными ей страстями: соперничествомъ, ревностью, измѣною, мщеніемъ и пр.; что и дѣлаетъ театральныя представленія привлекательными и безъ чего ояъ были бы похожи на ученыя собранія, не многимъ охотно посѣщаемыя. Эти художественныя театральныя изображенія любви отъ притупленія чистаго чувства въ извѣстномъ въ составителяхъ пьесъ, въ исполнителяхъ ихъ и зрителяхъ съ теченіемъ времени становились все грубѣе, болѣе опотелеными,—и вотъ въ послѣднее время изъ благородныхъ представлений выродились эти безстыдныя зрѣлища обнаженнаго разврата, варажающія грубѣйшими пороками молодую поколѣніи современныхъ христіанскихъ народовъ. А такъ какъ съ погруженіемъ въ чувственность люди теряють страхъ Божій, то въ послѣднее время показались на сценѣ изображенія событий изъ священной исторіи и для разнообразія впечатлѣній (за - граніцею)—даже страданія Спасителя, а среди театальныхъ декораций появляются священныя зображенія, и между мірскими пѣсьями слышатся звуки церковныхъ пѣсноуѣнъ. Такъ скатываются незамѣтно духъ челоѣка съ высотъ художественныхъ наслажденій въ темную пропасть постыдныхъ страстей, гдѣ перестаетъ быть страшнымъ и богоулыство.

Трудная борьба съ усвоенными порочными навыками. Къ намъ дошло изъ акаческой древности философское изреченіе: „привычка вторая природа“. Зѣсь, конечно, имѣются въ виду не добрыя привычки, совершенствующія нашу первую и единственную природу, а перерожденіе природы изъ богосоданной въ искаженную порочными навыками, или безотрадное порабощеніе ея грѣху. Но гдѣ, не находя выхода ачичику, такъ указывалъ его Господь Іисусъ Христосъ. *Всякъ второй грѣхъ, говорятъ Ояъ, рабъ естъ грѣху: но аще Сынъ освобождаетъ, воистину свободныи будете* (Іоанн. 8, 34, 36). Этого пути къ свободѣ указываетъ намъ Его ученіе, а благодатная сила для успѣшнаго прохожденія этого пути сообщаетъ намъ Его Св. Церковь.

Приготовленія къ коронаціоннымъ торжествамъ.

Приготовленія къ коронаціоннымъ торжествамъ быстро подвигаются впередъ. Это, впрочемъ, и не удивительно: все, что имѣетъ хотя малѣйшее отношеніе къ этимъ работамъ, начиная простыми мужичкомъ, дѣйствующимъ топоромъ и пилой, и кончая начальствующими лицами, до такой степени воодушевлены выпавшей на ихъ долю счастливою обязанностью наглядно выразить восторженныя чувства первопрестольной столицѣ въ ея званіи оушному Монарху, что работа въ ихъ рукахъ спорится и кипитъ, тою дѣйствіемъ какою то волшебствомъ, сверхъестественною силой.

„Общее установленіе по устройству коронаціонныхъ народныхъ празднествъ и зрѣлищъ“, находящееся въ издѣній д. с. с. Н. Н. Бера, дѣйствуетъ не только крайне энергично, но и въ высшей степени разумно. Это послѣднее обстоятельство видно изъ разработанной „особымъ установленіемъ“ программы празднествъ на Ходынскомъ полѣ,—программы, гдѣ даже такіе сложные задачи, какъ, напримеръ, даровая раздача угощенія и пива четырехсотъ тысячной толпѣ („особое установленіе“ рассчитываетъ на четырехста тысячъ участниковъ въ празднествѣ), разрѣшены крайне простымъ и удобнымъ способомъ, не допускающимъ даже малѣйшаго нарушенія общественаго порядка.

„Моск. Лест.“ сообщаетъ о произведеніяхъ въ настоящее время на Ходынскомъ полѣ слишкомъ двухъ-стахъ построекъ.

Выдающееся положеніе среди этихъ построекъ, конечно, занимаетъ роскошный Царскій павильонъ, сооруженный по проекту гражданскаго инженера В. В. Николая, заступающаго ея-ми постройки на Ходынскомъ полѣ. Па-

вильонъ, мѣсто для котораго выбрано какъ разъ противъ Петровскаго дворца, строится въ русскомъ стилѣ XV вѣка, въ родѣ сгорѣлаго Коломенскаго дворца. По прекрасной компоновкѣ отдѣльных частей и художественной рѣзной работѣ, павильонъ будетъ верхомъ изящества и совершенно оригинальной, чисто русской красоты.

Кромѣ Царскаго павильона, на Ходынскомъ полѣ производятся еще слѣдующія постройки: двухъ большихъ открытыхъ театровъ (по проектамъ академика Котова), двухъ малыхъ открытыхъ театровъ (по проектамъ архитектора Ваха), цирка, 12 переходныхъ павильоновъ, 11 каруселей, 10 астрадъ для музыкантовъ, 2 мата для лазанія на прыжки, 100 бубетовъ для раздачи народу дароваго угощенія и 22 сараевъ (2 саж. длины и 1 1/2 с. ширины) для бочекъ съ пивомъ и медомъ. Чрезвычайно интересна конструкция этихъ бубетовъ: ояъ состоятъ изъ двухъ, находящихся одна противъ другой, бучекъ съ проходомъ между ними въ 2 аршина. Въ подобный прохоть будетъ впускаться по два челоѣка: одинъ изъ нихъ получаетъ слѣдующее ему угощеніе и кружку для пива изъ одной будки, другой —изъ противоположной.

Такими образомъ съ четырехсотъ-тысячной толпа спокойной, по два, пройдетъ черезъ эти пятьдесятъ проходовъ, будетъ надѣлена угощеніемъ безъ шума давки и споротъ. То же самое произойдетъ около сараевъ съ пивомъ и медомъ. Зѣсь всѣ находящіеся въ каждомъ отдѣльномъ сараѣ бочки будутъ соединены между собою мѣдными трубами, которая подвѣдутъ изъ перваго ряда бочекъ на особый прилавокъ, отдѣляющій сарай отъ публики. Каждый желающій выпить пива или меда будетъ подходить въ одной изъ трубокъ, открывать кранъ и наполнять свою кружку тѣмъ или другимъ напиткомъ. Кружки дѣлаются очень красивыми: металлическія, покрытыя блною эмалью съ оригинальными рисунками, государственными орами инициалами Государя Императора и Государыни Императрицы.

Въ день гулянья на Ходынскомъ полѣ будутъ пѣть 10 хоревъ тѣсенныхъ, устроенъ бѣтъ въ запуски и пущены 200 комическихъ воздушныхъ шаровъ—фигуры людей и животныхъ. Кромѣ этого передъ Царскимъ павильономъ состоится концертъ-монстръ всѣхъ имѣющихся въ Москвѣ хоревъ Общества (до 3,000 челоѣковъ) подъ управленіемъ директора московской консерваторіи г. Сафонова.

Всѣ постройки Ходынскаго поля должны быть разобраны и мѣсто сравнено черезъ три дня послѣ гулянья. На четвертый день зѣсь состоится большой парадъ войскамъ московскаго военнаго округа.

Въ день гулянья на полѣ будетъ дѣйствовать водопроводъ съ разобранными вранами, проведенный изъ Ходынскаго колодца.

Объ иллюминаціи Кремля, сооружаемой тоже „особымъ установленіемъ по устройству коронаціонныхъ народныхъ празднествъ и зрѣлищъ“, та же газета сообщаетъ:

Иллюминація, по своей грандіозности, должна превзойти совершенное сказочное, феерическое впечатлѣніе. Устроенная по рисункамъ художниковъ Караванна, Прокофьева и Бенуа, она будетъ состоятъ изъ слишкомъ 500,000 огней, между которыми 14,000 электрическихъ лампочекъ освѣтятъ колокольню Івана Великаго и верхушки кремлевскихъ башенъ. Во всѣхъ башенныхъ пролетахъ будутъ горѣть разноцвѣтныя бѣгальскіе огни, стѣны Кремля украсятся по всѣмъ архитектурнымъ линиямъ массою лампочекъ со стеварионными свѣчами, кремлевскіе сады оварятся тысячами разноцвѣтныхъ пиквиковъ, а верхушки стѣнъ на Красной площади будутъ залиты волнами горящаго газа.

Конечно, эффектъ отъ этого получится изъ разряда тѣхъ, о которыхъ говорятъ, что ихъ „ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать“ невозможно...

Городская дума такъ же дѣлательно готовится къ правдоуваніямъ дня Священнаго Коронованія.

Члены управы гг. А. С. Холмскій и П. А. Дриггетрейскъ, которымъ поручены всѣ эти приготовления, пригласили къ участію въ ихъ работѣ художниковъ: Шехтеля, Бойцова, Фрейденберга, Генненера, Соловьева, Кевушева, Эриксона и Обера.

Городъ строитъ роскошный павильонъ для пріѣздившаго Государя Императора у Тверской заставы, декорируетъ весь путь слѣдующаго процессія, устраиваетъ иллюминаціи бульваровъ и площадей, по которымъ будетъ происходить вечернее катанье въ день коронаціи, организуетъ грандіозный пріѣмъ въ думѣ и обѣдъ всѣмъ являющимся въ Москву войскамъ до 50,000 челоѣковъ.

Большой балъ въ Зимнемъ дворцѣ.

11 января состоялся первый въ этомъ сезонѣ большой придворный балъ. Замѣстствуемъ описаніе его изъ столѣтнихъ газетъ. Въ девятую часу по Юрданскому подъѣзду, гдѣ взору привлекала вычелюстельными палатами, безконечное веренице поднимались: генералитетъ, штабъ и оберъ-офицеры, по премудрости частей гвардіи и флота. На подъѣздахъ Его и Ея Величествъ поднимались придворныя и городскихъ дамы, дипломатическій корпусъ и высшіе придворные и гражданскіе чины. Въ десять часовъ Николаевская зала,

восточная галерея и аван-зала были переполнены Царскими гостями: ояъ было свыше 3,000. Зѣсь были и старѣе-дамы, гофмейстериня Государыни Императрицы и Великихъ Князей, камеръ-фрейлины и фрейлины, всѣ чины дипломатическаго корпуса съ ихъ супругами, дамы, бывшія фрейлинами и имѣющія пріѣздъ ко Двору, городскихъ дамы, чины Государственнаго Совѣта, министры, сенаторы, первые и вторые чины Двора, старѣе-секретари, почетные оуески, придворные кавалеры, свита Государя Императора и Великихъ Князей, генералитетъ, гражданскіе чины и штабъ-и оберъ-офицеры. Царскихъ гостей встрѣщали представители церемоніальной части съ жемчужными въ рукахъ. Гражданка Николаевская блѣлая зала, освѣщенная въ оглоу электричествомъ, трехсѣженными шпалерами изъ палмы, драпѣтъ, камелей и другихъ растений, оуасавшая ея стѣны и простѣнки между арками со стороны восточной галереи, утопавшая въ зелени и цвѣтахъ астрада, устроенная у стѣны залы, какъ разъ противъ портрета Императора Николая I, декорированная въ свою очередь по сторонамъ группами растений, выдѣлывавшихъ изъ-за зелени на астрадѣ красныя парадныя кафтаны придворнаго музыкальнаго хора, широкостѣпенная палата,—все это составляло ту красивую раму среди которой переиздавалось живое волнообразное море гостей.

Концертная зала, какъ и аван-зала, была также декорирована растениями. Въ первой изъ нихъ, кромѣ того, по сторонамъ столѣнаго на педестахъ драгоцѣннаго художественнаго лаца, поднесеннаго во время Свѣченнаго Коронованія въ 1883 году московскими дамами, приковывали взоръ дѣлающагося по художественному исполненію и разнѣрамъ серебряныя вазы съ цѣтцами. Во второй изъ нихъ (аван-залѣ), подѣ сѣбно шпалеръ изъ тропическихъ растений, таулся вдоль всѣхъ стѣнъ бубетъ съ дѣнными золотыми сервизомъ, украшеніемъ котораго являлись группы амуровъ. Среди вазъ съ кофеетамъ, фруктами, всевозможными печеньями, чаемъ и прохладительнаго питья, выступали вазы съ гадцентами, приковывавшими взоръ разнообразіемъ своей окраски, сиреню и другими благоухающими цѣтцами. Въ противоположныхъ углахъ залы на изумрудномъ фонѣ листы тропическихъ растений выдѣлялись на постаменахъ серебряными выдѣлывавшимъ по вѣличію вазы съ панамскими. Восточная галерея, бывшая Помпеевская, съ открытыми вдоль всего ея протяженія бубетомъ, блистала и роскошью сервизовъ, и обиліемъ сласей, яствъ и пива. Въ зымежъ саду, оуасавшемъ золотую мебель и художественными извѣліями изъ каррарскаго мрамора, въ ятмовой кололѣсальной авѣ была устроена цѣлая кучма цѣтцевъ, ласкающая взоръ художественнымъ подборомъ тѣней. Электрическій свѣтъ, пробивавшійся черезъ дѣтство, серебривъ вершины деревьевъ и луннымъ свѣтомъ обдавалъ поверхность кучмъ и блыла марморная группы. Въ 9 часовъ 30 минутъ, какъ бы по мановенію жезла, все смолкло. Особы дипломатическаго корпуса группировались съ правой стороны ближе ко входу въ Концертную залу, противъ нихъ заняли мѣста высше гоударственныя и придворныя чины и придворныя дамы.

Двери изъ Концертной залы открылись и въ Николаевскую залу вошли подъ руку Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица Александра Оеодоровна. Государь Императоръ былъ въ бальномъ красномъ мундирѣ лейбъ-гвардіи коннаго полка и въ Андреевской лентѣ черезъ плечо. Государыня Императрица была въ бальномъ платьѣ, въ орденской лентѣ св. Екатерины и въ бриллиантовыхъ дѣдахъ и ожерельѣ. Сюды зала огласились полными изъ „Жизни за Царя“, и Государь Императоръ, въ предѣстствіи перваго оберъ-церемоніймейстера князя А. С. Долгорукаго съ гофмейстериней Государыни Императрицы Александры Оеодоровны, свѣтлѣйшей княгинѣ Голицыной, шествовали подъ руку съ Государыней Императрицей. За Ихъ Величествами шли дожурные: два камергера и два камеръ-юнкера. Во второй парѣ шли: Ихъ Императорскія Высочества Великіе Князья Владиміръ Александровичъ подъ руку съ Великою Княгиней Маріей Павловной, Великій Князь Алексій Александровичъ шель въ третей парѣ подъ руку съ Великою Княгиней Елизаветой Оеодоровной, а Великій Князь Михаилъ Николаевичъ шель въ четвертой парѣ подъ руку съ Великою Княгиней Кееніей Александровной.

На балу присутствовали Ихъ Императорскія Высочества Великіе Князья: Кирилл Владиміровичъ, Борисъ Владиміровичъ, Сергій Александровичъ, Павелъ Александровичъ, Константинъ Константиновичъ, Николай Николаевичъ, Георгій Михайловичъ, Александръ Михайловичъ и Ихъ Высочества герцога Георгій Георгіевичъ и Михаилъ Георгіевичъ Менделѣевъ-Стрѣлецкіе. Шестію въ половинѣ предшествовали два церемоніймейстера съ жемломъ. Во второмъ турѣ шествовали: въ первой парѣ Государыня Императрица Александра Оеодоровна пла со старшиной дипломатическаго корпуса турецкимъ посломъ Гусни-паша. Затѣмъ шель Государь Императоръ со старшей дамой дипломатическаго корпуса, супругой французскаго посла графинѣ Монтебелло. Въ третей парѣ—Великая Княгиня Марія Павловна пла съ французскимъ

посломъ графомъ Монтебелло. Великій Князь Владиміръ Александровичъ—съ супругой германскаго посла княгинѣ Радолитъ, Великая Княгиня Елизавета Оеодоровна пла съ австро-венгерскимъ посломъ, свѣтлѣйшимъ княземъ Лихтенштейномъ, Вели

